

СЕРГЕЙ ШОЙГУ

ПРО ВЧЕРА

Сергей Кужугетович Шойгу

Про вчера

Серия «Великое время. Великие имена»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62369648

Про вчера: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121393-0

Аннотация

Эта книга прежде всего о людях, о работагах – героях событий, которые случились в моей жизни. Здесь только небольшая часть историй, которыми я хотел бы поделиться. Будет время – продолжим... [i]Содержит нецензурную брань![/i]

Содержание

Вместо предисловия	4
Куда приводят мечты	11
После вождя	14
Ирония судьбы	19
Валенки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Кужугетович Шойгу

Про вчера

Вместо предисловия

Конечно, хотелось бы начать по классике: «Утреннее солнце проникало сквозь только что распутившиеся листья берёзы...» – но это скучно и банально. Моё поколение обошло стороной помпезное описание этого сиюминутного мира, хотя всю эту красоту я люблю с детства. Она, эта красота природы, одинаковой не бывает, она всегда разная, как и люди, о которых, собственно, и идёт речь в этом сборнике.

Каждый день мечтали о новом, не зная ещё, что мечты сбываются и становятся вчерашней обыденностью. Жили под лозунгом: «Жизнь короткая и глупая, поэтому надо попробовать». Не «постараться», а именно «попробовать» – прожить подольше и посодержательней. Или поплодовитей.

* * *

Наверное, и сегодня есть люди, которые живут так, как жили мы полвека назад. Когда даже двух- и трёхэтажные дома отапливались печкой. Когда даже завозили уголь и заготавливали дрова, а на кухнях стояли примусы и керогазы. Каждый

тогда заботился о своём доме и своей семье, не рассуждая, готова ли коммунальная служба к зиме. Так жили мы. Мне тогда было лет пять, но отдельные вещи я запомнил очень ярко.

Коммунальная квартира в три комнаты. В них – разные люди. Иногда настолько разные, что вряд ли могли оказаться вместе при других обстоятельствах. В одной из комнат поселилась наша семья с двумя детьми и в ожидании третьего. Печь на кухне постоянно топилась, углём или дровами. Во всяком случае, вечерами точно. Уютно гудел живой огонь. Вечно засорялась форсунка примуса или керогаза, на котором готовили еду. Форсунку чистили кусочком гитарной струны.

В соседней комнате жил человек в возрасте. Старый коммунист. У него была открытая форма туберкулёза, но тогда не существовало жёстких медицинских правил для подобных больных, не предусматривалась полная изоляция. Всё, что оставалось родителям, – это попытаться уберечь детей от инфекции. Жаловаться на такие вещи не очень-то было принято. К тому же больным надо было где-то жить. Тем более людям заслуженным – перед городом, перед страной.

Какое-то время в квартире жила женщина, смутно сохранившаяся в моей памяти. Всё, что могу сегодня про неё вспомнить, – это очень много книг, постоянный беспорядок в её комнате и – отдельной вспышкой – сцена, как моя мама тщетно пытается научить её штопать чулки на лампочке. Как

я потом узнал, соседка эта была из ссыльных, и, скорее всего (судя по её образованию и по тому, что она почти ничего не умела), из политических. Как уже сказал, мама учила её штопать чулки. Почему-то я особенно запомнил лампочку, с помощью которой шёл мастер-класс, как сейчас говорят. Я не совсем понимал: почему на лампочке?.. Это сейчас очевидно – не на пятке же штопать.

Важно заметить: в то время у людей были совершенно отчётливы и понятны каждый шаг и действие. Ничего не делалось впустую, ради какой-то абстракции. Дела и обязанности были ясны и нам, детям.

Например, на кухне стояло сделанное вручную подобие бидона, которое надо было в определённые дни и часы наполнять керосином. Потому что в это время по улицам ездил извозчик со специальной бочкой, и в ней был керосин для керогазов и примусов. В повозку с бочкой была запряжена крепкая низкорослая лошадка. Обязанность детей заключалась в покупке керосина, чтобы потом на нём готовить еду. Днём, когда появлялся керосинщик, родители были на работе, поэтому пополнять запасы керосина поручалось детям.

Часто вместе с керосинщиком шла повозка старьёвщика, влекомая такой же небольшой лошадкой местной породы, ведущей родословную от монгольских скакунов времён Чингисхана и Субедей-маадыра. Повозка старьёвщика была больше и была завалена всякой всячиной. Старьёвщик являлся особо ценным человеком для всех мальчишек и дев-

чонок. Потому что у него были сокровища: батарейки, действительно работающие фонарики и лампочки к этим фонарикам, миниатюрные складные ножики... И всё это можно было получить у него в обмен на старье.

Были, конечно, недоразумения, когда какой-нибудь парнишка притаскивал мамину кроличью шубу, обменивал на необыкновенно нужную ему штуку и потом, вернувшись с работы, мама приходила в ужас. Но тогда ведь все знали всех. Естественно, старьёвщика догоняли, возвращали шубу, отдавали ему тот ножик или электродинамический фонарик «Жучок», который так хотел мальчишка. Это были скорее не бытовые драмы, а бытовые комедии, хотя некоторым ребятам доставалось крепко. Ну, тоже наука.

В детстве у меня было ощущение, что взрослые бесконечно работали. Как теперь понимаю, та ссыльная женщина из соседней комнаты нашей коммунальной квартиры тоже работала, только дома. Что-то читала, писала, к ней кто-то приходил. Почтальон носил ей конверты. Думаю, она давала уроки или, может быть, редактировала какие-то тексты.

Мои родители тоже работали много, это считали абсолютно естественным. Тогда не было пятидневной рабочей недели. Да, шестой день был коротким, до трёх часов. Но это официально, а в реальности этих часов никто не считал.

Сейчас может показаться, что у нас было потерянное детство: родители вечно на работе и в командировках и мы, казалось бы, должны были ощущать нехватку их внимания и

теплоты. Но этого и в помине нет. И это касается не только меня, но и многих ребят с нашего двора, с нашей улицы, из нашего города, да и, думаю, всей страны.

* * *

Тогда в Туве жили вместе несколько совершенно разных поколений, которые считались такими, знаете, очень «короткими»: революционное, постреволюционное, довоенное, военное, послевоенное. И длились они десять-пятнадцать лет каждое, догоняя друг друга и обгоняя. Событий было много, они меняли сознание людей, формировали разные волны приезжающих в Туву и «короткие» поколения. Как раз в одно из них, в период военного поколения, Тува была принята в состав СССР.

Например, жили люди, которые родились ещё при Александре III и Николае II, во времена колонии – протектората Китая, который он утратил, а Россия обрела. Жили там и бывшие царские офицеры, вблизи границ с Монголией и на её территории, уцелевшие во время сталинских чисток. Лихие вершители судеб во времена войны Гражданской, ветераны Первой мировой и Великой Отечественной войн. А ещё многие люди, никакого отношения не имевшие ни к бежавшей Белой гвардии, ни к Красной армии, – просто они когда-то попали в эти края. В том числе внуки и правнуки ссыльных декабристов, чьи родители умерли, не успев вер-

нуться из ссылки. Их дети через Саяны пришли сюда. Такова была часть русских поселенцев на территории Урянхайского края, затем Тувинской Аратской Республики, затем Тувинской Народной Республики. И уже потом – республики, вошедшей в состав Союза.

Было и поколение русских граждан ТНР, уходивших добровольцами на фронты Великой Отечественной войны сражаться на стороне СССР, хотя в 1941 году Тува считалась отдельным государством. Они вместе с русскими колонистами – все, кто мог, – пришли в советское посольство и отправились в армию. Кстати говоря, тувинцы первыми поддержали (признали) создание СССР в 1922 году, а в июне 1941 года Тувинская Народная Республика первой из иностранных государств объявила войну Германии на стороне Советского Союза. Конечно, с пониманием огромной зависимости Тувы от великого соседа.

Были, естественно, те, кого сослали сюда, на эту территорию. И было поколение моей мамы, которая работала не только со своими ровесниками, но и вместе с теми, кто делал революцию и создавал Тувинскую Народную Республику. Мама приехала из Харькова, окончив сельскохозяйственный институт. Её коллеги, её подруги – их было несколько – с таким же азартом, как и она, трудились, влюблялись, создавали семьи, жили. Здесь мама познакомилась с отцом.

Несмотря на то что их привычки и воспитание были совсем далеки от кочевого образа жизни, который издревле ве-

ло большинство тувинцев, они органично вписались в местную среду. Это было поколение приехавших специалистов: врачи, инженеры, учителя.

Замечательно, что сегодня в республике стоит памятник русским учителям, приехавшим в Туву из Советской России в начале двадцатого века, – скульптура учительницы с двумя учениками. Было много учителей во всех сферах, не говоря уже о школе, это само собой.

Например, актёр Максим Мунзук, исполнитель главной роли в фильме Акиры Куросавы «Дерсу Узала», играл в армейском оркестре. Заметив его талант, местный русский житель Семён Григорьевич Коровин обучил его нотной грамоте и помог поехать учиться музыке в Москву. Максиму Мунзuku, этому яркому представителю народа Тувы, тоже встретились на пути русские учителя.

Я пытаюсь донести особое настроение тех лет. Это связано то ли с яркостью впечатлений детства, то ли с тем, что это было время созидания и расцвета в Туве – кругом тогда что-то строилось: школы, дома, больницы. Многого ещё не было, но нам казалось, что у нас замечательная жизнь. И сегодня, через много десятилетий, я могу это подтвердить – замечательная.

Куда приводят мечты

В стране была тогда шестидневная рабочая неделя. Суббота – короткий рабочий день до трёх. В Туве, в Кызыле всё было как и везде. Период послевоенного восстановления кончился недавно, и люди по-прежнему много трудились. Естественно, пристраивали детей каждый по-своему. Кто-то отдавал бабушке и дедушке, а кто-то – в детский сад.

Была и придумка того времени – круглосуточный детсад. То же, что интернат, только для дошколят четырёх, пяти, шести лет. Детей туда сдавали либо в воскресенье вечером, либо в понедельник утром. И забирали: кто успевал – в субботу, кто нет – в воскресенье.

Мы, дети, конечно, ждали субботу. С самого утра после завтрака лезли на подоконники и прилипали к замёрзшим окнам, дышали на стекло, чтобы растопить маленький просвет, через который были видны очертания автобусной остановки. Когда подходил автобус, все припадали к стеклу в надежде увидеть родителей. Проходила минута, другая – и раздавался чей-нибудь радостный крик: «Папа!», «Мама!».

Остальным снова приходилось ждать.

Многие, наверное, помнят это чувство, которое бывает только в детстве и которое сравнить-то не с чем. Кажется, если родители за тобой прямо сейчас не придут, жизнь кончится.

И сегодня отчётливо помню те оконные рамы, покрашенные десятки раз – новые слои поверх старых, по облупленной краске, с заползанием кисти на стекло, поверх замазки.

Чаще всего в детском саду дотемна (зимой темнеет рано) оставались двое – я и мой друг Володя Эйснер. Как я сейчас понимаю, он был из семьи переселенцев, коих в ту пору было в Туве, да и в Сибири, достаточно много. В середине 50-х годов прошлого столетия в Туву переселялись часть высылаемых жителей Западной Украины и Прибалтики (например, в селе Аржаан жили поселенцы из Эстонии), в это же время, после послабления режима переселения в Сибири, отдельные группы переселённых немцев приезжали жить и работать в Туву. Поэтому мать Володи Эйснера могла приехать как переселенка. Другой пример: в это время в Туране жили семьи Вебер, Фогель. Их потомки до сих пор в Туве. Кто-то вернулся в свои города, а кто-то прижился и остался. С Володей мы потом учились вместе до четвёртого класса. У него была только мама, работала уборщицей в нескольких местах. Хотя через столько лет могу и ошибаться.

В детском саду отопление было печное. Ближе к вечеру приходил истопник и начинал греметь вёдрами с углём. А мы стояли и с ужасом ждали этих страшных слов от дежурной воспитательницы: «Всё сегодня. Всем спать, завтра вас заберут».

Уходя на свои кровати, мы всё равно надеялись, что родители сейчас приедут, успеют, разбудят и в промёрзшем ав-

тобусе, один в один как в фильме «Место встречи изменить нельзя», мы поедem домой. На день, на полдня, но домой.

Перед новым, 1960 годом нам раздали подарки: с любовью сделанные воспитателями картонные коробочки в виде долек арбуза, а внутри – конфеты, печенье, орехи. Всё, что удалось завезти в далёкий сибирский угол.

Меня забрали. В предчувствии других подарков, дома, ёлки и того, что еду не на один день, а на целых два, прижимая к груди дольку картонного арбуза, я ехал в автобусе, забыв Вовку, который остался у замёрзшего окна, ковыряя замазку и дыша на стекло.

Вовку Эйснера не забрали. Он остался. Последний ребёнок в детском саду. Заистерил. Дежурная тётка-воспиталка, по-другому её назвать нельзя, в жуткой злобе, что не может уехать домой из-за одного малыша и его матери, потащила его в спальню. Вовка цеплялся за всё, что было у него на пути. Она схватила его за ухо, подняла и, пока не увидела хлеставшую кровь из почти оторванного уха, волочила его спать.

Врачи ухо пришили. Я увидел перевязанного Вовку уже после Нового года. Оторванное ухо не освобождало его от детского сада, а мать – от работы. Заставить начальство поверить словам ребёнка, доказать, кто виноват, тогда было гораздо сложнее. Не было, как сейчас, ни видеокамер, ни интернета.

После вождя

Вечерний разговор с отцом, я маленький, он говорит со мной как со взрослым. Это было то самое время, когда уже стали разбираться, понимать, что и Сталин был, и у нас в республике тоже не всё было правильно. На вид была самостоятельная страна Тува до октября 1944 года, но нравы и режим были похожи на советские. Судить мне об этом сложно, да и не нужно, и понятно почему.

Я и не собираюсь критиковать то поколение. Потому что к тому поколению относятся в том числе мои дедушка и бабушка – активные ревсомольцы, которые занимались разного рода делами. Но некоторые вещи, которые я делаю в республике и для республики, – это я отдаю долг, можно сказать. И долг этот – от ощущения того, что мои бабушка и дедушка, может быть, имеют отношение к тому, что тогда происходило. Настаиваю: они ни в чём не виноваты.

Скажем, было время, как и в Советской России, разрушения храмов. В нашем, тувинском случае – буддийских храмов. Я не знаю, причастны они к этому или нет, но ощущение, что могли быть причастны, меня не оставляет. Поэтому я помогал и продолжаю помогать в возрождении нескольких храмов. Главного храма, недалеко от того места, где я родился.

Естественно, я рос и задавал вопросы – о том, что это бы-

ло, почему это было? И отец рассказал мне историю. Теперь, думаю, и я могу её рассказать.

Когда шло развенчание культа личности Сталина, а я помню, как у нас в парке стояли памятники Ленину и Сталину, а потом, в один из выходных, я заметил, что памятника Сталину нет, снесли, – я не понимал, почему снесли.

Прошло, может быть, пятнадцать лет с того времени, и я спрашивал родителей уже с другим подтекстом: «А как? Вы что, ничего не замечали, когда Сталин был жив?» И они совершенно искренне говорили: «Да, мы верили, несмотря ни на что, не жалеем об этом, да, всё это было».

Отец до конца своих дней оставался коммунистом, платил взносы до последнего месяца своей жизни. Перебирая его документы, я увидел, что он платил взносы из тех денег, которые я ему отправлял в 91-м, 92-м году.

Однажды отец довольно откровенно мне рассказал, что руководителю республики, человеку, возглавлявшему Туву до вхождения в состав Советского Союза, принимавшему участие во вхождении, сказали: «Смотри, в Москве развенчали культ, покаяться и жизнь продолжается. Может быть, и здесь стоит так сделать?» Он ответил: «Я подумаю».

У нас была другая жизнь, другая страна. И в какой-то из дней, рано-рано утром, буквально на кромке рассвета, он заехал за отцом и они вдвоём поехали на берег Енисея. Там горел большой костёр – бумаги, папки. И тогда первый секретарь обкома республиканского комитета КПСС, Салчак То-

ка, сказал моему отцу: «Ну вот, собственно, и всё».

Он просто взял все архивы, вывез их на берег и сжёг. После этого он руководил республикой ещё почти двадцать лет, до 1973 года.

Через много лет отец написал книгу. Тех событий она касается едва-едва, в ней – о нашем роде, о нашей семье, о том, как они жили и как они сами попали под эти репрессии.

Вспоминаю встречи с довольно пожилым человеком, который был нашим родственником, скажем так – моим дедушкой, но не по прямой линии. С братом моего деда. Звали его Серен Кужугет. Он работал чабаном – кстати, в колхозе, который некогда носил имя Лазаря Кагановича. Как-то раз мы заехали к нему. Я спросил отца: «А почему он в таком возрасте всё ещё чабан? У него такие родственники, а он по-прежнему пасёт овец и никуда не хочет...»

И тогда отец рассказал мне простую до боли историю. В 1925 году Серена Кужугета направили на учёбу в военное училище в Тверь. В 1929 году он вернулся на родину и был назначен командиром Народной революционной армии Тувы. Создавал армию. В 1938 году его и других военных арестовали по сфабрикованным делам. Как и многих тогда. Приговорили к высшей мере, но в какой-то момент заменили смертный приговор длительным тюремным заключением. После вхождения в состав Советского Союза – после того как умер Сталин и развенчали культ личности – их выпустили. Кого-то даже реабилитировали.

С учётом того, что он знал русский язык, был хорошо образован по тем временам и для тех мест, ему много раз предлагали возглавить сельсовет, стать районным депутатом, занять разные большие по местным меркам должности. Но он всегда отвечал на все предложения: «Достаточно».

Всю жизнь, после того как вышел, он работал чабаном, никуда не стремился и ничего не хотел. И никогда ни о чём не рассказывал, никогда никого не критиковал, был абсолютно всем всегда доволен.

Не знаю, как сейчас оценивать всё то, что происходило тогда. Наверное, это всё можно называть и становлением республики, и становлением страны, государства, нового строя, нового режима.

Это сегодня все учат жить, а тогда научить было некому. Не так много было людей, которых можно назвать голосом народа, совестью нации. Очень мало было тех, кто мог говорить от имени людей. И вообще не было тех, кто, как сегодня, смотрел бы на ситуацию со стороны и мог судить, что происходит и как должно происходить, куда мы идём. Я таких не видел.

Это сейчас мы уже читаем какие-то исторические выкладки, что вот, «подписали коллективное письмо». Но тогда мы этого не замечали, тогда мы этого не видели, потому что это были единичные случаи. Но сложно представить, чтобы тогда у нас появился человек, который дал бы себе абсолютное право без всяких оснований о ком-то судить, кого-то судить,

осуждать, клеймить позором и уж тем более быть нравственным эталоном.

Откровенно скажу: многие, кто выступал тогда с трибун съездов, мне казались достаточно неискренними. Но были и те, кому, казалось, можно верить. Потому что они были невероятно талантливые, сделали невероятно много, писали великие произведения.

Тут я не могу не вспомнить Шолохова, который, выступая на Втором съезде писателей СССР, сказал такую фразу: «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто бы пишем мы по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством». И мне не казалось, что он лукавит. Да и сейчас не кажется.

Ирония судьбы

Когда в новых городах мы организовывали стройки, всегда появлялись новые друзья. И дальше по жизни мы продолжали дружить, встречаться. А начало стройки всегда было почти таким, как показывают в старых фильмах: мы работаем-работаем, а потом бух – и Новый год.

Мы собирались группами, садились, быстренько лепили пельмени на всех, варили эти пельмени, рубили, так сказать, целые тазы оливье. Выпивали. И было нам очень весело, интересно вместе – почти все одного возраста, приехали из разных мест, у всех строительно-кочевой образ жизни, и нас это объединяло.

В Саяногорске мы строили алюминиевый завод. Сначала жили в общежитии для инженеров и руководства. Под общежитие был отведён один из подъездов самого первого построенного дома. Потом построили другие дома, приехали наши семьи. Мы перебрались в квартиру, у нас появились соседи. И все, естественно, стали занимать друг у друга разные столовые приборы. А если у кого-то день рождения, то просили друг у друга всякое: у кого соль, у кого сахар, у кого чай, у кого ещё что-то, от стульев до лаврушки.

Был у меня приятель, Миша, замечательный парень. Любил жить, умел работать и умел отдыхать, как и все мы тогда.

И вот однажды мы – несколько семейных пар – собрались

отметить Новый год. Детей ещё не привезли, поскольку они заканчивали учебный год в другом городе, в другой школе. На нашей предыдущей стройке.

По гастрономической части у нас был такой гротескный период, который можно охарактеризовать как «блеск и нищета куртизанок». Вроде бы Сибирь, тайга, стройка. Но ассортимент напитков был таким... не без щегольства. Пили мы «Посольскую» водку, финский ликёр. «Клюквенный», кажется. В красивых бутылках. Были ещё довольно своеобразные ликёры «Мятный» и «Бенедиктин». Был и «Гавана клуб», настоящий ром! Чем закусывать такую роскошь? На прилавках магазинов – ананасы и огромные бесформенные кальмары.

Логика простая: чтобы мы хорошо работали, нам хорошо платили – это А и Б – нас хорошо обеспечивали. Делали ставку не на обилие ширпотреба, а на дефицит. В общем и целом у всех всё было. Мы изобретали разные коктейли на базе того финского клюквенного ликёра.

Дерзкие сибирские строители ходили в дефицитных дублёнках, джинсах, в мохеровых индийских шарфах, норковых шапках. И в унтах. Свой колорит, своя особенная жизнь. Водолазные свитера тройной вязки из верблюжьей шерсти.

И вот наконец наступил новогодний вечер. Душистая ёлка, шикарное настроение, уютная атмосфера. Музыка... Мы тогда очень любили слушать Жанну Бичевскую, у нас были две её первые пластинки. В промежутках ставили монологи

Жванецкого, мы собрали тогда огромное количество его записей. И конечно, слушали (в который раз) рок-оперу «Юнона и Авось». Плёнку.

Миша был со своей женой. Он имел хорошее образование, высокую должность и при этом, как и все мы тогда, был молод и горяч. Сгонять на машине в соседний город за девяносто километров и провести вечер в приятном обществе – легко.

На стройке есть поговорка: «Чем меньше начальник, тем больше машина». Мастера ездили на здоровенных КраЗах, прораб – это уже ЗИЛ или ГАЗ... А Миша был одним из первых, кто получил возможность купить «Жигули», в награду за сданный объект. «Жигули» восьмой модели. Тогда они только появились, диковинная была машина, одна на весь город. Эту модель уже тогда начали называть «зубило». И Миша довольно часто на ней попадался, потому что не заметить его на этой машине было невозможно. Как говорится, в соответствующем состоянии. Но это как-то прощалось.

В тот Новый год мы выпивали, хотя не так уж и много. Танцевали, пели. И только Миша и его супруга были весь вечер грустны. Во всяком случае, они не пили. Пытались как-то поддерживать праздничное настроение, но это получалось у них не очень. Я всё спрашивал их: «А почему вы не наливаете? Посмотрите, какие напитки у нас! Хотите то, хотите это?» Они и с собой, естественно, тоже принесли. Так было принято.

И, когда уже отзвучала музыка гимна (мы её выключали, пытаясь настроить антенну и посмотреть, что там покажут в Москве: хорошо знакомую «Иронию судьбы, или С лёгким паром!» либо новый выпуск «Голубого огонька?»), под тихое постукивание вилок по тарелкам я снова довольно громко задал свой вопрос (с которым я уже, кажется, им надоел):

– Вы что не пьёте? Что там у вас происходит?

И Миша мне ответил:

– Серёжа, нам нельзя.

– Что значит «нельзя»? Как это так?

И в этот момент, изящно наколов на вилку горошину из оливье, его жена в высшей степени интеллигентно произнесла:

– У нас триппер.

И сначала такая оторопь всех взяла... Но народ за столом оказался бывалым, и сразу последовал всеобщий хохот. Все поняли, что они уже пролечились, но по медицинским соображениям им пока действительно нельзя было пить.

«Серёжа, нам нельзя. У нас триппер». Это прозвучало так интеллигентно и так естественно, что, казалось, проще и элегантней не высказалась бы и английская королева. А ещё стало понятно, что это очень крепкая семья. Как говорится, в горе и в радости.

Валенки

Служебное общежитие для руководства стройки, для инженерно-технического персонала было характерной особенностью того нашего времени. Трёхкомнатная квартира. Естественно, никакой инфраструктуры, как это называется сейчас, вокруг не было.

Глубоко погружаться в бытовые мелочи с нашей занятостью не было ни времени, ни желания. Например, покупали две ячейки яиц, и если ночевали дома, то самый шикарный завтрак – это сырое яйцо. Выпиваешь его – и на работу.

Когда вышел фильм «Одиноким предоставляется общежитие» с Гундаревой и Мкртчяном – мы узнали себя в какой-то мере. Гундарева играет сваху в женской общаге. Мужчина жалуется ей, что не может так больше жить, потому что жена только яичницу готовит: «Опять яичница... утром яичница, в обед яичница, а ночью – омлет. Я скоро буду кудахтать, как цыплёнок!» Вот так же и у нас было.

Жизнь была стремительная, очень динамичная, насыщенная, весёлая. На одном из участков нужно было в сжатый срок выполнить работу. По-моему, наладка оборудования. Время жмёт, весь день мечешься, из тепла в холод, снег налип – подтаял, и так по многу раз. Поэтому обувь – унты – всегда была влажной.

Приятель надоумил меня, как эти унты быстро сушить,

изобрёл способ: «Я их в духовку кладу, на самое маленькое деление, на пятьдесят. И, пока в душ сходишь, они уже сухие. Во!»»

И вот я решил попробовать. Плита ещё тёплая стоит, «Лысьва», зачихал в неё унты, включил и пошёл в душ. Выхожу – воняет палёной овчиной... Короче говоря, половина одного унта сгорела. Другой обуви нет.

Взял у соседа валенки, пока он спал, и уехал на стройплощадку. Умельцев там много разных было, ну я и упросил мужиков, кто скорняжничать умеет, подлатать унты.

Получил я оба унта в идеальном состоянии, только один теперь был в два раза уже, чем другой.

Отправил я их с кем-то, чтобы забросили в мою комнату в общежитии. Прошло два-три дня, возвращаюсь со стройплощадки, а приятель, который жил вместе со мной, мнётся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.